

УДК 882; 830

«РУССКАЯ ГЕРМАНИЯ» ЭПОХИ РОМАНТИЗМА

© 2013 г.

Н.М. Ильченко

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

vsemirka@rambler.ru

Поступила в редакцию 10.10.2012

Рассматриваются особенности формирования образа Германии, созданного на основе осмысления художественных произведений немецких писателей. Показано, как создавалась воображаемая страна в русской романтической прозе, как воспринималась реальная Германия в травелогах. Данный подход позволяет показать причины увлечения культурой и литературой Германии.

Ключевые слова: образ, книжный мир, реальная страна, литературная традиция, художественный мир.

Связи России и Германии хронологически охватывают несколько столетий. Однако активный обмен культурными ценностями осуществляется в эпоху романтизма. Русские, посещавшие Германию в первой трети XIX века как путешественники и участники войны с Наполеоном, жившие тут временно или селившиеся навсегда, восхищались неповторимым духом старонемецких городов, гармоничным сочетанием архитектурных композиций с красотами окружающей природы.

Германия этого времени славилась своими университетами. Здесь получали образование многие известные русские люди. Так, в Геттингенском университете изучал финансовое право С.И. Тургенев в 1809–1811 гг., этот университет закончил Н.И. Тургенев, а третий брат Александр послужил А.С. Пушкину в «Евгении Онегине» прообразом «полурусского» соседа семьи Лариных – Владимира Ленского, «с душою прямо геттингенской». В 2003 году в старинном городе Геттингене была проведена выставка «Россия и “геттингенская душа”»; здесь помнят о том, что великий русский поэт сформулировал понятие “геттингенская душа” [1, с. 122]. В Геттинген отправлялись учиться и герои произведений отечественных романтиков, как, например, в повести Н.А. Полевого «Блаженство безумия» (1833).

Ни Пушкин, ни Полевой, ни некоторые другие писатели первой трети XIX века не бывали в Германии. Представление об этой стране складывалось, прежде всего, на основе прочитанного. Германия рисовалась с помощью образного строя произведений самых читаемых немецких писателей той поры – И.В. Гете, Ф. Шиллера, Л. Тика, В. Вакенродера, Э.Т.А. Гофмана

и др. В связи с этим были созданы духовно-культурные, бытовые, топографические и др. приметы воображаемой страны.

Культурой Германии особенно увлекалась московская дворянская интеллигенция. Своеобразный историко-культурный фон этого периода представлен в повести М.П. Погодина «Адель» (1830), а прототипом главного героя стал Д.В. Веневитинов (1805–1827), которого называли «вдохновенным юношей-шеллингианцем». Если имя Ф. Шеллинга присутствует в повествовании, как и имена А.Л. Шлецера, Л. Окена, И.Г. Гердера, Ф. Клопштока, традиционными являются упоминания Гете и Шиллера, то имена В. Вакенродера и Новалиса не называются. Однако именно две последние фамилии в соединении с именем Э.Т.А. Гофмана являются первостепенными.

Жизнь и смерть Веневитинова окружена тайной, что привело к созданию романтического мифа, аналогичного мифу о самом ярком представителе иенского романтизма – Новалисе.

В образе главного героя повести «Адель» воплощено мироощущение немецких романтиков. Дмитрий устремлен в идеальный мир, что демонстрируется автором через взаимоотношения героя с Аделью, в которой он находит родственную душу. Как у Новалиса Розочка помогает Гиацинту понять тайну бытия, заключающуюся в чувстве любви, так и у Погодина Адель помогает найти Дмитрию идеал в повседневной жизни.

Соединение пути познания с любовью отчетливо прослеживается в размышлениях Дмитрия. Он мечтает о путешествии с будущей женой. Первой страной называется не просто Германия, а ее художественный образ. Он был

понятен образованному человеку того времени и включал в себя следующие обозначения: «Гробница Шиллера и Гёте, лекции Шеллинга, Мадонна Рафаэля, маститый старец – немецкая литература» [2, с. 272].

Русские, оказавшись в Германии, поклонялись ее великим людям. Например, Н.И. Греч подробно описывает могилу почитаемого им Ф. Клопштока [3, с. 137]. Лекции Ф. Шеллинга ездили слушать в этот период будущие славянофилы И.В. и П.В. Киреевские. Своим восприятием «Сикстинской Мадонны» Рафаэля, которая находилась в Дрезденской галерее, поделился В.А. Жуковский в альманахе «Полярная звезда» (1824 г., с. 241–249). «Великим старцем» называли И.В. Гёте. К нему в Веймар в первой трети XIX века ездили К.Н. Батюшков, Ф. Глинка, В.К. Кюхельбекер, В.А. Жуковский, С.П. Шевырев и др.

Мотив избрничества, характерный для немецкого романтизма, является одним из ведущих в повести Погодина, которая близка типу повести об искусстве и художнике. Классическим образцом и первым произведением с условным обозначением «новелла о художнике» стала «Достопримечательная музыкальная жизнь композитора Иозефа Берглингера» Вакенродера (1796). Она, как и рассматриваемая нами повесть, автобиографична.

Восприятие жизни как «излучистой дороги странствия» сближает автора «Адели» с немецкими романтиками. «Странствие» (Wanderung) является одним из лейтмотивных слов в романтизме Германии, позволяющим показать процесс становления героев и особенности постижения ими мира («Странствия Франца Штернвальда» Л. Тика, «Генрих фон Офтердинген» Новалиса, «Эликсиры сатаны» Э.Т.А. Гофмана и др).

Философская и эстетическая мысль Германии рубежа XVIII–XIX вв. нашла приверженцев сначала в стенах Московского университета, а затем перешла в качестве основополагающей в кружки, создаваемые близкими по духу людьми. Она оказала влияние даже на личную сторону жизни, поскольку стала важным фактором, формирующим мирозерцание дворянской интеллигенции.

В романе «Аббадонна» (1834) Н.А. Полевой создал такой художественный мир, который сложился на основе произведений немецких авторов, поразивших воображение русского романтика, – Ф.Г. Клопштока, Ф. Шиллера, В. Вакенродера, Э.Т.А. Гофмана. Отличительную особенность Германии Полевой видит в совершенстве семейного и общественного быта,

характерные черты которого – простота нравов, кротость характеров, «положительные условия жизни».

Убеждая читателя в достоверности происходящего, автор вводит топографические реалии, описывает быт и нравы вымышленного немецкого города. Своеобразным носителем «души города» оказывается главный герой романа – Вильгельм Рейхенбах, в образе которого представлен один из вариантов немецкого поэта.

Переплетение слов «чудак» и «чердак» (самых часто употребляемых по отношению к образу настоящего художника, музыканта, поэта) не раз встречается применительно к Вильгельму, который вдохновенно сочиняет трагедию из немецкой истории «Арминий», забывает убогость своего жилища и осенний холод. Как и герой Вакенродера Иозеф Берглингер, немецкий герой русского автора постоянно ощущает разлад между «природным энтузиазмом и неизбежным участием в жизни» [4, с. 34]. Сходное мироощущение испытывали и другие «немецкие энтузиасты», например гофмановский Иоганнес Крейслер.

Культовый художественного воображения, созданный иенскими романтиками, разделяется автором «Аббадонны». «Чудак» Полевого забывает «чердак», осень, голод, когда переносится в «леса древней Германии». Вместе с тем русский романтик показывает, что его герой не поднимается над действительностью, не надеется на всепобеждающее творчество. В данном случае Полевой следует за немецкими романтиками более позднего периода. Литературной параллелью Вильгельма – Генриэтты можно считать гофмановских Бальтазара – Кандиду («Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер»). Романтический поэт Гофмана женится на первой красавице княжества и получает мещанское благополучие. Ироническое восприятие героев в финале произведений сближает Гофмана и Полевого. Талант Бальтазара и Вильгельма не поднял их над «толпой», не возвысил над другими. Их удел – земное счастье.

Вильгельм Полевого испытывает неподдельную радость, когда создает произведение. Однако «гениальный скиталец» в конце концов предпочитает искусству тихое семейное благополучие. Так русский романтик внес свои коррективы в образ художника, который открыла русскому читателю Германия. Автор «Аббадонны» фактически постигает личность, созданную немецкими романтиками, в эволюции, следуя от иенцев к Гофману.

Пространство Германии сначала открыло русскому читателю натуру художника, предан-

ного искусству, а затем стало вносить в этот тип свои коррективы. Поэтому настроение автора меняется, принимая ироническую форму. Смена ориентиров отражается не только на трактовке личности Вильгельма Рейхенбаха, но и на эмоциональной окраске художественного образа Германии. В романе «Аббадонна» Полевой запечатлел «истощение Германии», утомленность духа, доведенного «до самого величайшего объема идеальности». Одной из отличительных особенностей жизни этой страны является соединение несоединимых «условий жизни духа и вещественного быта». Поэтому в литературе рядом с Гофманом существуют посредственные альманахи, с Гете – писатели типа Фан-Дер-Фельда. Непостижимым образом эта особенность присутствует и в гениальных немцах: творец «Фауста» хотел, чтобы его называли Ваше Превосходительство, насмешливый Гофман верил и боялся привидений, гениальный Кант никогда не выезжал из Кенигсберга и подчинялся своей кухарке [5, с. 125–126].

Восприятие Германии в сниженном контексте объясняется размышлениями Н.А. Полевого о немецкой словесности и специфике «умственного мира Германии», нашедшими отражение затем в его «Очерках русской литературы» (1839).

В романе «Аббадонна» используются ситуации и мотивы, известные русскому читателю первой трети XIX века по произведениям немецких авторов: два основных женских образа – Элеонора и Генриэтта соответствуют шиллеровским леди Мильтфорт и Луизе («Коварство и любовь»), «маленькое княжество», нравы его жителей даются Полевым в духе гофмановских произведений (явное сходство прослеживается с «Житейскими воззрениями кота Мурра»). Определяющим для Полевого является имя Ф. Клопштока, с «Мессиадой» которого связано название его романа. С образом Аббадонны – падшего ангела – соотносится актриса Элеонора. Родители Вильгельма не раз перечитывали «Мессиаду», особенно сцену раскаяния Аббадонны. Обсуждением линии Аббадонна – Абдиил заканчивается роман. Русский романтик перенес известное произведение немецкого поэта середины XVIII века на жизненные ситуации своих героев.

Полевой запечатлел «свое» видение Германии. Он уловил удивительное разнообразие немецкой жизни, государственной, светской и личной; создал топоним вымышленного города.

Образ Германии складывался не только через воображаемый мир, основанный на художественных произведениях, но и в результате знакомства с реальной страной.

Показательными можно считать путешествия В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя – людей разных взглядов, занимающих свое место в литературном процессе, имеющих неодинаковое, но опять же – свое – влияние на русских читателей.

Частым гостем в Германии был Жуковский. В «Отрывке из письма о Саксонии (в 1821 году)» важное место занимает описание двух «интересных», с его точки зрения, людей – «Фридриха и Штернвальд Тика». Необходимо отметить, что для русских образ Германии часто был связан с конкретными людьми: обычно это были люди искусства (писатели, музыканты, художники) и философы. Жуковский вместе с великим князем Николаем Павловичем посетили мастерскую К.Д. Фридриха. Пейзажи Фридриха понравились будущему императору Николаю I, и он приобрел картину «Под парусом». Немецкий живописец Каспар Давид Фридрих (1774–1840), создатель национального пейзажа Германии, умеющий передать свои ощущения и переживания зрителю, оказался близок своим мироощущением Жуковскому. Его картины «Монах на берегу моря», «Одинокое дерево», «Над туманом», «Меловые скалы на острове Рюген» наполнены романтическими символами. По мнению русского романтика, эти «оригинальные картины» «возбуждают в душе воспоминание», потому что немецкий художник смотрит на природу «как человек, который в ней видит беспрестанно символ человеческой жизни» [6, с. 21]. Поэтому картины Фридриха написаны «не для глаз», а «для души». Общение с Фридрихом, соприкосновение с художественным миром его картин приводит русского поэта к размышлениям о соотношении объекта изображения с произведением искусства. Жуковский убежден, что «красоты природы пленяют нас не тем, что они дают нашим чувствам, но тем невидимым, что возбуждают в душе и что ей напоминает о жизни и о том, что далее жизни» [6, с. 21]. Картины немецкого художника настолько заинтересовали Жуковского, «возбудили» его душу, что он окружил себя ими: в его кабинете висели картины Фридриха. Жуковский приобрел и для царского двора несколько картин художника. Когда Фридрих тяжело заболел и не мог работать, царский двор оказывал ему финансовую помощь, спасая семью художника от нищеты. В настоящее время в Государственном Эрмитаже находятся девять картин и шесть рисунков Каспара Давида Фридриха.

При знакомстве с другим жителем Дрездена – Людвигом Тиком – Жуковский обращает внимание на «приятное согласие» во всех его чертах. Он увидел человека, «который мыслит, но которого мысли принадлежат более его во-

ображению, нежели существенности» [6, с. 25]. Возможно, поэтому В.А. Жуковский называет Людвиг Тика Штернбалд Тиком, используя имя главного героя романа "Sternbalds Wanderungen". Семья Л. Тика приняла русского поэта «с сердечным доброжелательством». Для В.А. Жуковского является важным в личности людей, с которыми он встречается, в отношениях их между собой и по отношению к нему, проявление общечеловеческих качеств, таких как доброта, сердечность, искреннее внимание и т.п.

«Отрывок из письма о Саксонии (в 1821 году)» В.А. Жуковского, опубликованный в «Московском телеграфе», давал русскому читателю сведения об ощущениях, размышлениях, состоянии человека, соприкасавшегося с «чужим», которое включает в себя общечеловеческое, близкое человеку из России.

В.А. Жуковский побывал во многих городах Германии – Берлине, Дрездене, Лейпциге, Эмсе, Дюссельдорфе и др. Например, его маршрут 1838 года включал в себя Травемюнде, Любек, Ганновер, Геттинген, Марбург, Франкфурт-на Майне, Веймар, Нюрнберг, Регенсбург.

Несколько раз был в Германии Н.В. Гоголь. Первый раз – в 1829 году, после публикации «Ганца Кюхельгартена», где выразил видение этой страны в следующих строчках: «И с неразгаданным волненьем / Свою Германию пою» [7, с. 308]. Во второй раз после неудачного представления комедии «Ревизор» он надолго задерживается в стране, которую «воспел» в своей первой опубликованной поэме.

Германия воспринимается им, в отличие от Жуковского, в рамках «чужого». «Чужая земля», «чужбина» – слова, постоянно употребляемые Гоголем в частной переписке.

Маршрут Гоголя проходит от Любека через Гамбург, Бремен, Берлин, Ахен, Майнц до Франкфурта. В письме к сестрам от 17 июля 1836 года он популярно и с большим юмором описывает Германию и немцев: «...город выстроен не так, как у нас, люди не говорят совсем по-русски, словом – мы были в чужой земле» [8, с. 105].

Гоголя, как и других русских путешественников, привлекает в Германии старина: старинная церковь Бремена, могила Карла Великого в городе Ахене, который был столицей его империи. Гоголь путешествует на пароходе по Рейну. Реку он называет «замечательной»: «Она уставлена с обеих сторон горами и усыпана городами... Перед окнами вашей каюты один за другим проходят города, утесы, горы и старые рыцарские развалившиеся замки» [8, с. 109].

После отъезда из Германии Гоголь вспоминает об этой стране, а точнее, размышляет о

разнице между тем «чудом», которое возникает в сознании русских почитателей немецких авторов и той реальной страной, которая открывается русскому путешественнику. В письме из Рима к М.П. Балабиной он с сожалением пишет: «Мысль, которую я носил в уме об этой чудной и фантастической Германии, исчезла, когда я увидел Германию в самом деле, так, как исчезает прелестный голубой колорит дали, когда мы приблизимся к ней близко» [8, с. 145]. Тем не менее, Гоголь признает существование «чудной земли», но, поясняет, к ней «не всякий знает дорогу».

Таким образом, в первой трети XIX века создавалась своя – русская – история понимания Германии через полюбившиеся художественные произведения немецких писателей. Своеобразно сконструированный художественный образ Германии становился своим и превращался в факт русской жизни, что наглядно продемонстрировано в повести Погодина «Адель» и романе Полевого «Аббадонна». Русские романтики создали свои реалии воображаемой страны, хотя Гоголь и подметил разницу между книжной и реальной Германией.

Германия Гете и Шеллинга, Новалиса и Гофмана представлялась русским «страной философской тишины», «страной мечты», в которой жили поэты-творцы, близкие по мировидению художники, умеющие подняться над скучной повседневностью. Увлеченность в восприятии «сказочной и фантастической» Германии остается на протяжении всего XIX века. Представление о ней, о судьбе ее творческих людей, привлекательный в глазах русского человека мир произведений – реализовались в особый художественный образ Германии, представленный уже в творчестве Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и др.

Список литературы

1. Гроссман О.В. Русский мир Дрездена. Прогулки по историческим местам с Ольгой Гроссман. СПб: ЛИК, 2010. 255 с.
2. Погодин М.П. Повести. Драма / Сост., вступ. статья и примечания М.Н. Виролайнен. М., 1984. С. 264–286.
3. Греч Н.И. 28 дней за границей, или Действительная поездка в Германию Николая Греча. СПб, 1835. 247 с.
4. Полевой Н.А. Аббадонна. Ч. 1 и 2. СПб, 1904. 357 с.
5. Полевой Н.А. Аббадонна. Ч. 4. – М., 1834. 218 с.
6. Жуковский В.А. Отрывок из письма о Саксонии (В 1821 году) //Московский телеграф, 1827. Ч. 13. № 1. С. 21–36.

7. Гоголь Н.В. Ганц Кюхельгартен // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1981. Т. 1. С. 272–308. 8. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1984. Т. 8. 399 с.

«RUSSIAN GERMANY» OF THE ROMANTIC ERA

N.M. Ilchenko

This article examines the peculiarities of Germany's image formed by Russian writers that was based on German writers' works. The proposed approach gives a possibility to study the reasons for an interest in German culture and literature, to understand Germany as an «imaginary country» in Russian romantic prose and its perception as a «real country» in travelogues.

Keywords: image, book world, real country, literary tradition, art world.